

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДИСКУРСА ЧУЖДОСТИ

© 2008 г. Д.Ю. Клемятич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

denis1959@yandex.ru

Поступила в редакцию

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются ключевые направления развития концепции чуждости в современной немецкой социологии. Дается сравнительный анализ данных концепций. Выявляется специфика понятий чужого в рамках каждого концептуального направления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отчуждение, репрезентация, чужой, взаимодействие, социальные границы.

В настоящей статье мы рассмотрим основные направления обсуждения проблем феномена чужого в германской социологии. Прежде чем содержательно охарактеризовать данные направления, позволим себе методическую ремарку.

Для анализа был сформирован корпус текстов, насчитывающий 51 источник общим объемом 942764 слова. Для построения словаря авторской лексики, ориентированной на обсуждение проблемы чужого, были отобраны наиболее часто встречающиеся формы слов. В ходе анализа не использовались служебные части речи, составляющие около 35% от всех слов. Индивидуальные, не повторяющиеся слова составляют 13% авторской лексики. На втором этапе анализа для удовлетворения условия сопоставимости было проведено разбиение исходных текстов на примерно равновеликие фрагменты, содержащие в себе законченную мысль. В качестве основного формального критерия для фрагментирования нами выбрано авторское деление текста на абзацы.

Для дальнейшего анализа были отобраны только фрагменты, содержащие слово «Fremd» или «Fremdheit» и однокоренные с ними. Это было сделано с целью заведомого исключения текстового материала, отклоняющегося от основной темы (это могли быть описания авторской методологии, вводные замечания или просто отступления). В результате контент-анализа текстов средствами многомерного математико-статистического анализа было выявлено, что повествование относительно проблем чужого строится вокруг 19 основных тематических направлений. Информативность факторной модели составляет 13,2%. Выделенные тематические направления могут быть для удобства рассмотрения объединены по содержательным характеристикам в 5 комплексов, которые и будут представлены ниже.

1. Проблемы репрезентации чужого

В данный комплекс вошли четыре тематических направления. Первое из них может быть охарактеризовано как *общие вопросы культурной репрезентации чужого*. В последнее время в немецкоязычном научном пространстве ведутся интенсивные дискуссии, касающиеся проблем межкультурного взаимодействия и, в частности, проблем восприятия и репрезентации чужого.

В качестве первого здесь следует отметить вопрос о значении самого понятия репрезентации. Авторы указывают, что ни философия, ни этнология, ни социология не предлагают единого объяснительного базиса для этого понятия. Из какой бы научной дисциплины мы ни исходили, в любом случае нам придется констатировать, что определение рассматриваемого понятия остается многозначным. Решение этой проблемы видится в интердисциплинарном подходе, который среди прочего заставляет нас задаться вопросом об истории проблемы, т.е. о том, в каком эпистемологическом контексте впервые проблема возникла и произошла ее тематизация.

Отмечается, что вообще проблема восприятия и понимания чужого стала рассматриваться на рубеже 19 – 20 веков, причем наиболее отчетливо эта тематизация происходила в рамках философии и психоанализа и явилась частью их спора с современной этнологией, которая, если и ставила проблему понимания чужого, то имплицитно. В то время как этнология предпочитала снабжать представителей внеевропейских культур наименованиями «дикие», «примитивные», «аборигены» или говорить о бесписьменных или первобытных, нецивилизованных народах, в герменевтике В.Дильтея ставилась проблема понимания чужого человека, феноменология Э.Гуссерля обращалась к опыту чужого, а психоанализ З.Фрейда – к идентификации с чужой личностью [5, S.279]. Следует отметить, что в рамках этих более или менее разработанных и конкурирующих теорий интерсубъективности в качестве чужого обозначался уже другой, говорящий на одном с нами языке и принадлежащий к одной с нами культуре.

Трудности, возникающие при попытке дать единое определение понятия репрезентации, объясняются широтой охватываемого им семантического поля — от представления (математического, театрального, фигуративного) и изображения в виде картины, рисунка, символа, до политического, юридического, экономического или теологического замещения или воплощения. Кроме того, оказалось, что восприятие другого приводит к проблематизации собственных репрезентативных средств. Это в свою очередь привело к новой методологической рефлексии, которая вылилась в проект обратной этнологии, который заключался в том, что для адекватной репрезентации чужого

исследователь должен не просто быть «включенным» в практику, но должен поменяться местами с наблюдаемыми, должен сам быть подвергнут наблюдению и презентации.

Однако, если верно то, что репрезентация в значительной мере, если не по преимуществу, находится в зависимости не от репрезентируемого, а от репрезентирующего и воспринимающего, то и сама чуждость оказывается характеристикой отношения, а не категориальным свойством вещей, культур или людей, становящихся предметом репрезентации.

Если говорить о разновидностях и типах репрезентации, то, с точки зрения немецкого социального философа Бернхарда Вальденфельза, понятие репрезентации не имеет и никогда не имело одного единственного значения, но ведет за собой целый ряд значений. Точнее говоря, это относится к выведенному из латинского английского или французскому слову *representation* и в меньшей степени к сфере немецкого языка, который предлагает ряд обозначений, каждое из которых с течением времени переняли терминологические функции. «Репрезентация» в немецком языке может быть передана как минимум четырьмя способами: как «представление», «осовременивание», «изображение» или «замещение» [13, S.151-182].

Опыт и изображение чужого характеризуются как раз тем, что наш собственный опыт и наше изображение начинаются где-то в другом месте. Чужое конституирует себя в качестве чужого в то время, как мы на него отвечаем. Тем самым чужое в качестве чужого оказывается непредставимым и неизобразимым в каких бы то ни было представлениях или изображениях.

Возникает вопрос, как должна выглядеть исследовательская практика, которая наряду с собственными практиками сохраняет опыт чужого, из которого она исходит. Изображение чужого само должно было бы принять черты ответа. Чужое как род излишнего, которое не поглощается усилиями освоения и сведения под один знаменатель, требует особого двойного взгляда, двойного слышания и двойной речи, как это уже в рудиментарной и недостаточной форме встречалось во включенном наблюдении. Это предполагает, что в увиденном, услышанном и сказанном одновременно проявляется и исчезает отвечающее видение, слышание и высказывание. Изображение, которое изображает чужое, мыслимо только как косвенная речь, которая всегда показывает большее и иное, нежели то, что она говорит.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах мнения относительно проблемы репрезентации, существующие в философском и антропологическом секторах немецкоязычной науки о чужом. Исходя из рассмотренного материала, отметим, что в немецкоязычной традиции репрезентация, по всей видимости, рассматривается как нечто, производимое не самим репрезентируемым, то есть, репрезентация чужого оказывается одновременно и

репрезентацией со стороны чужого (по отношению к репрезентируемому), что в свою очередь может создать иллюзию пассивности репрезентируемого.

Социологами, в отличие от философов и этнологов, гораздо меньше усилий тратится на дискуссии по поводу статуса понятия репрезентации и связанных с ним общеметодологических проблем. Однако направленность исследований по большей части согласуется с тем, что было рассмотрено выше: предметом изучения становятся образы чужого, формируемые агентами, которые сами к конкретной группе чужаков не принадлежат. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что социологи разделяют и основную целевую установку философов, состоящую в освобождении репрезентации от искажений и повышении ее конгруэнтности с репрезентируемым. В связи с этим, в фокус рассмотрения попадают те случаи репрезентации, в которых угроза искажений считается повышенной. При этом, вероятно, считается, что если репрезентация осуществляется самим репрезентируемым, то опасность искажений существенно снижается.

Репрезентация чужого в средствах массовой информации. Социология восприняла и отмеченный ранее интерес к средствам связи и массовой информации. Это вылилось в пласт исследований, посвященных формированию образа чужого в газетах и на телевидении. (Вспомнив подход Вальденфельза, можно сказать, что в рамках социологии репрезентация предстает главным образом как изображение).

Это тематическое направление, по сравнению с уже рассмотренным, может быть охарактеризовано как прикладное: логика его формирования опирается уже не на рассмотрение общеметодологической проблематики, а на вопросы о факторах и результатах воздействия средств массовой информации на образ в общественном сознании и социальное положение тех или иных групп, которые могут быть отнесены к чужакам для конкретного общества. Ответы на эти вопросы даются исходя из специфики транснациональных и внутригосударственных средств информации, уровня популярности и силы воздействия различных жанров, тематических контекстов, в которые погружаются чужаки в передачах и публикациях. Важным фактором здесь является также возможность влияния на содержание эфира или публикаций со стороны самих изображаемых.

По всей видимости, основной движущей силой, которая приводит к кристаллизации этого тематического направления, является осознаваемое противоречие, которое возникает, с одной стороны, между образами, создаваемыми средствами массовой информации и объективным положением дел, и с другой стороны, между образами, создаваемыми внутригосударственными источниками информации (где преобладают негативно окрашенные сообщения об иммигрантах) и каналами, транслируемыми из-за пределов национальных государств (будь то просто иностранный канал или транснациональный

продукт, такой, как Euronews). Вне- и трансгосударственные каналы, по мнению исследователей, несут более адекватные образы, способствующие установлению межкультурной коммуникации [9, S.141].

Следует здесь отметить и еще одно, важное, на наш взгляд, обстоятельство: само систематическое помещение проблематики чужого в контекст обсуждения медиа-образов свидетельствует о тенденции к концептуальному отделению характеристики чуждости от групп и лиц, которым она приписывается.

Другим способом отделения чуждости от ее носителей является привязка этой характеристики к другим качествам. Наиболее значимым в этом смысле качеством оказывается религиозная принадлежность, демонстрация которой в определенных обстоятельствах позволяет сделать вывод о чуждости ее носителя. Значимость вопросов религии в плане проблематики отчуждения подтверждается и выделением ее в самостоятельное тематическое направление, которое мы обозначили "религия как фактор отчуждения".

Еще одно направление, характерное для немецкой социологии, связано с рассмотрением *религии как фактора отчуждения*. Исследователи отмечают, что религиозный ландшафт в Германии решительным образом изменился за последние десятилетия. Сильно снизилось количество христиан, связанных с церковными общинами. Возник интерес к вне- и дохристианским религиозным формам, появляются многообразные смешения самых различных религиозных убеждений. В результате миграции возросла также доля людей с различными культурными, религиозными и мировоззренческими установками. Все так называемые мировые религии обосновались в Германии, и среди них самое значительное место принадлежит исламу. И, по всей видимости, именно мусульманин может рассматриваться как наиболее значимая в данный момент фигура чужака в немецком религиозном пространстве. В определенном смысле он занимает то место, которое ранее принадлежало евреям, обладая при этом своей спецификой. Так, в сравнении с немецкими евреями до 1933 года (всего около 800 000 чел.), которые в культурном отношении были немецкими европейцами, только иудейского вероисповедания, проживающие в Германии мусульмане не только образуют намного больший сегмент населения, но и преимущественно не являются европейцами. Представляется самоочевидным, что ислам – это не только религия, но и культурная система, и принадлежность к нему является одним из факторов определения культурной идентичности. При этом речь идет о (с цивилизационной точки зрения) незападной идентичности – это создает проблемное поле, скрывающее в себе значительный конфликтный потенциал. При этом отмечают, что немецкой демократии так и не удалось осуществить интеграцию живущих в Германии иностранцев [1, S.83-86]. Наряду с

формами мирного сосуществования все больше встречаются также взаимное неуважение, отторжение, насилие по отношению к чужим [7, S.4].

Проблема отторжения чужого в силу своей социальной значимости оформилась в самостоятельное тематическое направление социологического дискурса о чужом. Мы рассмотрим ее в контексте других тематических направлений, которые могут быть объединены под общей рубрикой «проблемы реакции на чужого».

2. Проблемы реакции на чужого

Спектр обсуждаемых реакций на присутствие (физическое или ментальное) чужака укладывается в континуум, на одном конце которого находится толерантность и принятие, на другом – агрессия и эмоциональное отторжение. При этом противопоставление толерантности и ксенофобии содержит в себе и противопоставление нормативного действительному. В дискуссиях о толерантности довольно сильна теоретико-методологическая составляющая, в соответствии с которой авторы стараются определиться с тем, что же следует понимать под толерантностью, каково содержание этого понятия. Выявляются смысловые различия между «толерантностью» (нем. «Toleranz») и «терпимостью» (нем. «Duldung»), которая, с лингвистической точки зрения, представляет собой точный перевод этого понятия. Под «терпимостью» предлагают понимать пассивное принятие, незаинтересованное допущение к существованию. «Толерантность» же в таком случае означает взаимное приближение, участие, взаимное признание.

Отмечается, что «терпимость» в указанном смысле не только недостаточна, но может быть и вредной. Ее недостаточно для того, чтобы избежать или предотвратить ущерб для жизни тех, с кем обращаются как с чужаками и кто находится в состоянии экзистенциальной неуверенности, ненадежности; она недостаточна и для того, чтобы принять во внимание шанс на партнерское сосуществование в смысле взаимной необходимой критики и взаимного (культурного) обогащения. Только если толерантность осознается и осуществляется как критическая по своему характеру установка на открытое и равноправное партнерство (или сосуществование), она поможет не только признать чуждость как факт, но и преодолеть ее посредством осознанного сочувствия, сознательного сближения [11, S.401-414].

Таким образом, тематическая линия, формируемая вокруг понятия толерантности, содержит в себе главным образом попытки выяснить и показать, какой должна быть толерантность, что нужно для того, чтобы она была, и почему она вообще должна быть. Тем самым и определяется указанная нами нормативность дискурса толерантности.

Конечно, авторы стремятся преодолеть нормативность (и тем самым некоторую непрактичность темы толерантности) и убедить (как читателей, так и самих себя) в том, что

эта тема интересна не только с точки зрения философских размышлений о человеческом достоинстве и диалоге культур, но и с точки зрения воплощения принципов толерантности на практике.

Однако о воплощении принципов толерантности на практике говорят скорее с точки зрения того, что нужно для этого делать, а не с точки зрения того, как это воплощение реально выглядит. Тем самым нормативный характер дискурса скорее даже усиливается.

Разворачивание тематики отторжения и агрессии в отношении чужого происходит совершенно иным образом. Здесь нет недостатка в практических иллюстрациях рассматриваемых проблем [3, S.35]. В результате ксенофобия начинает выглядеть как нечто действительно повседневное, близкое и понятное. Основным фактором формирования этого тематического направления являются предпринимаемые авторами усилия выяснить причины возникновения ксенофобических установок и действий. При этом, по преимуществу, такие причины видятся в необходимости решения специфических проблем, создаваемых чуждостью. В самом общем виде такие проблемы формулируются следующим образом: чужак своим присутствием подвергает сомнению привычную для нас повседневность, нарушает устоявшийся порядок. Таким образом, фактически чужак олицетворяет собой нечто выходящее за рамки нормы, нечто, что мы при помощи моральных и иных норм сами себе запрещаем [3, S.42-43]. Поскольку чужак выглядит как нарушитель норм, он выводится за рамки их действия, т.е. может становиться объектом (в том числе и агрессивных) действий, запрещенных в отношении своих. В результате естественным решением возникающих проблем становятся негативные эмоциональные реакции и действия, направленные на устранение чужака, в том числе и физическое.

По всей видимости, причины того, что обсуждение ксенофобии и толерантности не объединяются в рассматриваемом корпусе текстов в единое тематическое направление (хотя это и было бы логично), следует искать как раз в нестыковках способов рассмотрения. То, что для идеологов толерантности представляется проблемой, исследователи, анализирующие ксенофобию, видят скорее как (негуманное) решение проблемы и следствие различных факторов. То, что исследователи ксенофобии указывают как исходную проблему, фактически не замечается теми, кто пишет о толерантности: они не предлагают нового решения для проблем, создаваемых чужаком, которые в повседневной жизни решаются при помощи дискриминации и насилия.

Альтернативный, несколько более мягкий способ реагирования описывается в рамках тех тематических направлений, которые связаны с рассмотрением вопросов стигматизации и социальной эксклюзии. В данном случае фактически рассматриваются практики, приводящие к (повторному) разделению «своего» и «чужого» мира. Тем самым как бы

восстанавливается равновесие, нарушенное проникновением чужака в наш мир [8, S.66]. При этом констатируется связь проблематики эксклюзии и стигматизации с конфигурацией баланса сил: возможность определять, кто здесь чужой и кто должен быть исключен, получает тот, кто располагает большими властными ресурсами.

Проблематика распределения власти нашла свое отражение в тематической структуре социологического дискурса о чужом не только в связи с вопросами эксклюзии и дискриминации, но и в виде самостоятельных тематических направлений, касающихся политических аспектов конструирования чужого и взаимодействия с ним.

3. Чужак и государственно-политическая сфера

Государство при обсуждении проблем отчуждения предстает в текстах германских социологов в двух ипостасях. В первой из них государство (в первую очередь, конечно же, речь идет о национальном государстве) выступает формой дифференциации своих и чужих. В случае с национальным государством эта дифференциация маркируется как наличие или отсутствие гражданства [6, S.15-16]. В случае же с многонациональной империей суть не меняется, просто особое значение освоения/отчуждения приобретает принадлежность к тому или иному административному образованию в рамках империи [8, S.523]. Фактически в таком виде государство выступает наследником нации в том ее политическом значении, которое придавал ей Юрген Хабермас. Но, в отличие от нации, гражданство как таковое оказывается самостоятельным благом: чужаком становится не только тот, кто принадлежит к другому государству, но и тот, кто не принадлежит ни к какому государству вообще или преследуется своим государством.

Во второй своей ипостаси (которая вовсе не противоречит первой) государство рассматривается в роли независимого агента, который может (а в ряде случаев должен) оказывать воздействие на процессы отчуждения, протекающие в зоне его юрисдикции. Например, такой способ рассмотрения государства проявляется в указании на возможность, с одной стороны, защиты интересов своих граждан, когда они находятся за границей (и тем самым являются чужаками), и, с другой стороны, на возможности осуществления интеграционной политики [9, S.111].

Довольно интересные коллизии конструирования своего и чужого возникают, когда одни и те же люди оказываются в зоне смешанной юрисдикции двух государств, как это произошло с восточными немцами в годы существования ГДР. В основе формирования этой темы, по всей видимости, лежит необходимость научного осмысления своеобразной парадоксальности, сопровождавшей процессы отчуждения в Восточной Германии во время присутствия там советских войск. Так, стигматизация русских в качестве чужаков,

подкрепляемая чувством собственного превосходства, входила в противоречие со способностью русских применить практически неограниченную силу [14, S.62-63]. Руководящая партия осуществляла контроль за средствами информации, распространяя через них идеологию дружественности [2, S.75]. Однако подобная, говоря сегодняшними словами, пропаганда толерантности, оставалась бессильной против тех ксенофобических образов, которые, с одной стороны, были унаследованы от нацистской идеологии, с точки зрения которой новые друзья рассматривались как недочеловеки, а с другой стороны, эти образы находили себе подтверждение в повседневном опыте общения с русскими [14, S.59]. При этом подобные противоречия приводили и к своего рода кризису позиций правительства ГДР, которое в силу своей просоветской идеологии начинало ощущаться как власть чужаков.

Таким образом, можно говорить о том, что тема Восточной Германии в контексте общего дискурса чуждости представляет собой осмысление ситуаций рассогласования, возникающих в процессе формирования образа чужака, а в контексте политической тематики, более конкретно, идет рассмотрение конфликта между официальными и частными установками.

4. Проблемы чужого в социально-экономической сфере

Основы экономической проблематики в социологическом дискурсе чуждости были заложены еще Георгом Зиммелем. Современные же авторы подвергают анализу не только сферу финансов и торговли, но целиком сферу трудовых отношений. В сегодняшнем обществе эта сфера приобретает особое значение, поскольку на первый план выходит принцип функциональной дифференциации, т.е. фактически, дифференциации по роду выполняемой деятельности, релевантной для поддержания существования общества. Сама эта система функциональной дифференциации становится при этом и новой формой отчуждения, которое в данном случае возникает между представителями различных профессий. Вместе с тем здесь имеет место и ситуация, которую мы отмечали, рассматривая отношения чужака и государственно-политической сферы: возникает отчуждение не только между различными функциональными областями, но и между самой системой функциональной дифференциации как таковой и ее внешней средой. В функционально дифференцированном обществе безработица является одним из самых значимых видов отчуждения: человек выпадает за рамки сферы трудовых отношений и тем самым оказывается системноисключенным [8, S.386]. Впрочем, такой вид отчуждения не является изобретением эпохи постмодерна, его корни следует искать в цеховой системе средневековой Европы, которая также характеризовалась взаимным отчуждением цехов

(взаимосвязь между ними осуществлялась фактически только на уровне социальной сети подмастерьев) и отчуждением системы от внешней среды [8, S.322].

Предприятия как элементы системы разделения труда также играют определенную роль в процессах отчуждения/освоения. Роль эта может быть двоякой. С одной стороны, предприятие, осуществляя политику повышения лояльности, добивается высокого уровня идентификации работника с местом работы (т.е. повышает уровень внутреннего освоения) и тем самым, во-первых, отчуждает его от внешней среды, представленной другими подобными предприятиями, а во-вторых, вступает в конкуренцию с профессиональной идентификацией так, что для работника своим скорее является сотрудник, нежели коллега [12, S.201]. С другой стороны, в определенных ситуациях предприятие само может оказаться заинтересованным в привлечении представителей иной, чуждой, функциональной сферы с целью обращения к новым знаниям и навыкам [8, S.380].

В добавление к сказанному следует также отметить тот известный факт, что именно сфера труда является той сферой, которая раньше других сталкивается с вызовом со стороны чужаков-иммигрантов (нередко и мотивы миграции следует искать именно в этой сфере), и именно конкуренция в этой сфере оказывается одной из самых популярных посылок, используемых для обоснования необходимости исключения таких чужаков.

Помимо сферы труда и занятости к рассматриваемой тематике имеет также отношение проблема стратификации и, более конкретно, – разделения и противопоставления в обществе низших, беднейших слоев высокоресурсной элите. В общем виде конфигурация процессов отчуждения выглядит таким образом: в рамках элитных групп формируется общая культура, которая отчуждает их от низших сословий и слоев и одновременно позволяет считать своими представителей элиты, проживающих в других странах; даже отчуждение, возникающее на основании языковых различий, будет успешно преодолеваться за счет ценностного консенсуса. Отмечается, что, по крайней мере в средневековье, между представителями феодальной знати из разных стран было больше общего, нежели между богатыми и бедными, проживавшими в одной и той же стране [9, S.86]. Аналогичных процессов в низших слоях в нормальных условиях не происходит, наоборот, может иметь место отчуждение (так, может произойти разделение на оседлых и странствующих нищих, причем последние будут считаться чужаками [4, S.276]). Такое разделение может также подкрепляться дифференцированием практик заботы богатых о бедных (адресатами такой заботы становятся в первую очередь именно свои, местные), причем эти практики заботы становятся своеобразной формой освоения: с одной стороны, они еще раз позволяют продемонстрировать свою принадлежность к элите, с другой стороны, снизить уровень отторжения со стороны низших слоев.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что фактор принадлежности к элитным группам в данном случае вступает в отношения конкуренции с другим параметром, служащим для фиксирования отчуждения ранее рассмотренной государственной принадлежности. В зависимости от конкретной конфигурации отношений определяющим становится тот или иной фактор. Фактором, который вступает в конкурентные (или, в зависимости от ситуации, взаимодополнительные) отношения с этими двумя является фактор происхождения.

5. Происхождение как фактор отчуждения.

Данный фактор имеет две стороны. Первая и основная предполагает пространственно-географическую привязку субъекта, выражаемую в таких понятиях как родина, регион, дом, заграница. Вторая, дополнительная сторона касается расово-национальной идентификации, что в достаточной мере очевидно для Европы, на территории которой преобладают национальные государства, что и обеспечивает территориально-географическую привязку национальности. По сути, раса и национальность оказываются в определенном смысле опосредующим звеном, связывающим территориальный и государственно-гражданственный факторы.

Исследователи отмечают, что заграничное происхождение является самостоятельным и порой достаточным фактором отчуждения, стигматизирующим при этом может быть не только указание на страну происхождения, но и упоминание по-иностранному звучащего имени [15, S.74]. Конкурентность фактора происхождения с фактором гражданства проявлялась, например, в системе апартеида, где того, что человек имел «белое» происхождение, было достаточно, чтобы он считался своим, независимо от того, является ли он гражданином ЮАР.

Следует отметить, что обсуждении проблем происхождения демонстрирует заметную преемственность с идеями, которые были высказаны еще Георгом Зиммелем и Альфредом Шюцем и рассматривались нами в первой главе. Зависимость современной дискуссии от взглядов Зиммеля проявляется, среди прочего, в склонности считать чужим только того, кто сменил место проживания, фактически, раз и навсегда. При таком подходе из рассмотрения фактически исключаются как, якобы, не релевантные с точки зрения проблематики отчуждения группы, находящиеся в более или менее непрерывном движении – таковы туристы и пилигримы, частным случаем которых являются цыгане [10, S.30]. Тем самым принцип происхождения и пространства сопрягается с принципом времени (пребывания), что, на наш взгляд, может быть не всегда целесообразным.

Заключение

Статистический анализ текстового материала позволил выявить основные тематические направления, характерные для рассмотрения проблемы чужого и чужака в немецкой социологии. Фактически проанализированные темы могут рассматриваться как контекстуальное определение чужака, звучащее таким образом: «мы говорим о чужаке тогда, когда в той или иной мере обращаемся к следующим темам: (...)». Однако, далеко не все из перечисленных тем могут и должны встречаться в одном и том же тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bassam Tibi : Islam-Unterricht als islamische Indoktrination oder als kulturelle Integration? // Integration und Religion : Islamischer Religionsunterricht an Berliner Schulen / hrsg. von Rolf Busch. – Berlin : dahlem universiti press, 2000.
2. Behrends J. Sowjetische „Freunde“ und fremde „Russen“ // Fremde und Fremd-Sein in der DDR: zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland / J. Behrends, T. Lindenberger, P. Pourtus. – Berlin: Metropol, 2003.
3. Bergmann, J. Kommunikative Verfahren der Konstruktion des Fremden / J. Bergmann // Sinngeneratoren: Fremd- und Selbstthematisierung in soziologisch-historischer Perspektive / C. Bohn, H. Willems. – Konstanz : UVK-Verl.-Ges., 2001.
4. Carbonell i Cortes, O. Übersetzen ins Andere: der Diskurs über das Andere und seine Übersetzung; Exotismus, Ideologie und neue Kanones in der englischsprachigen Literatur / O. Carbonell i Cortes. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2002
5. Därmann, I. Die tragische Szene. Zur radikalen Unähnlichkeit des Fremden bei Freud, Husserl und Lacan / I. Därmann // Fremderfahrung und Representation / I. Därmann, Ch. Jamme. – Weilerswist: Velbrück Wissenschaft 2002.
6. Die Herausforderung durch das Fremde / H. Münkler, B. Ladwig, K. Meßlinger. – Berlin : Akad. Verl., 1998.
7. Fuchs, Brigitte: Eigener Glaube – Fremder Glaube : Reflexionen zu einer Theologie der Begegnung in einer pluralistischen Gesellschaft. – Münster : Lit, 2001.
8. Geenen, E. Soziologie des Fremden. Ein gesellschaftlicher Entwurf / E. Geenen.- Opladen: Leske + Budrich, 2002.
9. Kretzschmar, S. Fremde Kulturen im europäischen Fernsehen: zur Thematik der fremden Kulturen in den Fernsehprogrammen von Deutschland, Frankreich und Großbritannien / S. Kretzschmar. – Wiesbaden: Westdt. Verl. 2002.
10. Stichweh, R. Fremde im Europa der Frühen Neuzeit / R. Stichweh // Sinngeneratoren: Fremd- und Selbstthematisierung in soziologisch-historischer Perspektive / C. Bohn, H. Willems. – Konstanz : UVK-Verl.-Ges., 2001.
11. Volker Eid: Toleranz ist mehr als nur „Duldung“. Ein moralischer Grundaspekt des Verhaltens zu Fremden // Toleranztheorie in Deutschland (1949 – 1999): eine anthologische Dokumentation / hrsg. von Alois Wierlacher und Wolf Dieter Otto. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2002.
12. Vorwinkel, G. Ferwandschaft, Freundschaft und die Gesellschaft der Fremden: Grundlagen menschlichen Zusammenlebens / G Vorwinkel. – Darmstadt: Wiss. Buchgess., 1995.

13. Waldenfels, B. Paradoxien ethnographischer Fremddarstellung / B. Waldenfels // Fremderfahrung und Representation / I. Därmann, Ch. Jamme. – Weilerswist: Velbrück Wissenschaft 2002.

14. Wrochem O. Die sowjetischen „Besatzer“: Konstruktionen des Fremden in der lebensgeschichtlichen Erinnerung // Fremde und Fremd-Sein in der DDR: zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland / J. Behrends, T. Lindenberger, P. Pourtus. – Berlin: Metropol, 2003.

15. Zweierlei Mass: Die Berichterstattung ueber Straftaten von Deutschen und Migrantinnen in den Printmedien und das Dilemma der Journalistinnen / Margret Jaeger, Siegfried Jaeger, Gabriele Cleve, Ina Ruth // Fremdbilder - Feindbilder - Zerrbilder: zur Wahrnehmung und diskursiven Konstruktion des Fremden / K. Liebhart, E. Menasse, H. Steinert. – Klagenfurt: Drava-Verl.- u. Druckges. 2002.